

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Н. В. Липатова

Проект «Коммуна»: традиции
и новаторство в отношениях между
крестьянством и советской властью

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Lipatova.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

**ПРОЕКТ «КОММУНА»:
ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО
В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КРЕСТЬЯНСТВОМ И
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ**

Крестьянство являлось самой массовой и явной социальной группой, по отношению к которой государство традиционно воспринимала как объект собственной политики. Указы в отношении крестьян, направленные на выделение из общей крестьянской массы четко профилированных социальной групп, с относительно понятными социальными, правовыми границами издавались с начала XIX в. (указы о вольных хлебопашцах, об обязанных крестьянах, о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, о выходе из общины и т. д.) Логика законодательства показывает, что для власти крестьяне были массой, которая нуждается в систематизировании, иначе это грозит стихийностью и неуправляемостью социальных конфликтов. Политика советского государства в отношении крестьянина зачастую имеет оценку негативную, т.к. оно искоренило все основы индивидуального крестьянского хозяйства. Однако с точки зрения указанной логики нет никаких отклонений от традиции, несмотря на то, что законодательство создавалось в стране рабочих и крестьян.

Во-первых, как и прежде, власть рассматривала крестьянство как основного поставщика хлеба, за счет которого можно провести модернизацию промышленной базы.

Во-вторых, необходимы были максимальные темпы индустриализации. Политика царского министра финансов Вышнеградского «не доедим, но вывезем» была перенята советской властью с прилежностью ученика-отличника.

В-третьих, крестьянство всегда падало в особые правовые отношения, ограниченные всевозможными

условиями, советское крестьянство конституциями 1918 г. и 1924 г. официально было признано людьми второго сорта, по отношению к рабочим. Даже символ достижения советского хозяйства скульптура Веры Мухиной «Рабочий и колхозница» символизировали скорее урбанизируемое общество и изменение правового статуса женщины, нежели тяжелый и необходимый труд на земле.

В-четвертых, крестьянство было многочисленным и его модели поведения, оценки и т. д. проявлялись и в тех условиях, когда крестьяне даже не занимались своим непосредственной деятельностью. Так конфликты между тыловым и фронтовыми гарнизонами в период первой мировой войны, массовой дезертирство тыловиков во время сельскохозяйственных работ в марте-октябре 1917 г., выборы, и работа в местных Советах, конфликты в начальный период Гражданской войны между отрядами Красной гвардии, состоящими из рабочих и новыми подразделениями Красной армии, где основную массу составляли крестьяне.

В-пятых, стремление власти найти/создать среди крестьянства социальные группы, лояльные или даже опорные. Опора на сильного крестьянина в варианте реформы П. А. Столыпина или беднейшее крестьянство при создании комитетов деревенской бедноты.

Догоняющая промышленная модернизация и воздействие факторов научно-технической революции динамизировали индустриализационно-технологические процессы в СССР, но в культурно-цивилизационном плане не меняли его статуса как общества аграрного типа. Советский человек, гордо нареченный «человеком новой эры», в действительности сохранял ментальность все того же аграрного общества. Советское государство, если отвлечься от его социально-политических обозначений (тоталитарности) и придерживаться исключительно характеристик социокультурного плана, являло собой типичный образчик аграрного, традиционного общества. Реальная данность этого предопределяла и природу

массового общественного сознания: «Идеологическое обрамление изменяло лишь его внешние формы, но не сущностное содержание. Несмотря на пропагандистско-идеологические претензии на «особость» советской ментальности, она, по большому счету, была рефлексией (отражением) пусть превращенного, но все же именно аграрного общества, для которого характерны преобладание живого труда (рабочая сила человека) над овеществленным (т. е. трудом, воплощенным в средствах производства и предметах потребления), а также слабая дифференциация (разделение) производителя и естественных предпосылок труда (они оказываются как бы сращенными). В качестве непосредственного контрагента живого труда здесь выступает производительная сила природы»¹.

Аграрное общество во множестве своих проявлений демонстрирует достаточно выраженную иррациональность. Последняя характерна и для его понятийного мира, в границах которого любые коллизии, даже те, что обязаны своим возникновением сугубо материальным, объективным, т. е. безличным, предпосылкам, объясняются посредством апелляции к неким персонифицированным, наделяемым волей моральным силам². Именно этот аспект традиционности наиболее явно прослеживается в анализе текстов западных интеллектуалов, посетивших Советский Союз в 20-е гг.³

Этот же мотив присутствует в описании Советского Союза у итальянского писателя Альберто Моравия, который отмечал деревенский облик советского общества и советской жизни вообще: «Советский Союз — крестьянская страна... Из этого его характера, в своей основе крестьянского, и вытекают, на мой взгляд... суровость и пуританизм городской жизни, неопределенная сельскость, семейность, медлительность и ласковость, везде замечаемые в СССР»⁴.

Традиционность среды диктовала и традиционность методов, пытаясь создать нового человека, власть использовала прежние методы XIX в., пытаясь вычлени-

особую группу из среды крестьянства, которая бы со временем стала опорной и изменила бы всех крестьян страны.

Отказаться от прежнего способа советская власть желала, во всяком случае декларировала это, однако новая власть, особенно в условиях необходимости ее удержания в начале 20-х гг. — это власть немедленного действия, власть, лучше всего действующая в экстремальных условиях, потому и нового человека нужно было создавать немедленно «из того материала, который оставил капитализм со вчера на сегодня, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены»⁵.

Вера в то, что их можно изменить, диктовалась веяниями 20-х гг. Популярность евгеники, страсть к социальном экспериментированию, вера, что с помощью новых идей создание нового человека не только возможно, но и необходимо. Это подтверждается даже такими документами как учебные программы по политобразованию для комсомольцев.

Так, одним из вопросов, предлагаемых самарским комсомольцам изучить за лето, с дальнейшей подготовкой доклада для товарищей и крестьянской молодежи, был: «Искусственное изменение пола у животных, омоложение и выведение пород домашнего скота»⁶. Невозможность изменения пола у животных в то время для крестьян была очевидна, для новой же идеологии тема была ключевой, так как это позволяло создать инкубатор и вывести новую крестьянскую породу. Однако на деле одним из таких парников стали коммуны, как бытовые, так и сельскохозяйственные — им предстояло вырастить тружеников нового типа — коммунаров, которые, согласно стихотворению В. Князева, написанного им в 1918 г., могли бы сказать о себе:

*Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами,*

*Никогда, никогда.
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!*⁷

Коммуна рассматривалась как спасительный корабль, ковчег, в котором только и могут спастись все трудящиеся, все обездоленные от бурных волн житейского моря. Каждый труженик, войдя в этот ковчег (коммуну) может быть уверен в том, что ее не захлестнет волна всемирного голода. Ведь всем коммунам и товариществам, согласно закону о социализации земли, оказывается всевозможная помощь со стороны Советской власти живым и мертвым инвентарем, семенами, а также коммуны и товарищества всегда могут получить лучшие участки земли (по сравнению с единоличными хозяйствами). Более того, если вся советская республика покроется сетью земледельческих коммун и товариществ, то никакой голод и никакая контрреволюция России не страшны⁸.

Распространение таких организаций «добровольной несвободы», как коммуны (фаланстеры), возможно лишь в обществе духовной смуты, которое переживает острый кризис такой социальной ценности, как права человека, — будь то Российская империя 1860-х гг. или Советская Россия 1920-х гг. Вступление человека в коммуны, как правило, сопровождалось настроением бегства от «проклятой свободы», от необходимости принимать непростые решения — в психологически более комфортную среду, в которой жизнь подчинялась писаным и неписаным нормам и потому являлась куда более предсказуемой и стабильной, чем существование в «большом мире». Советский коммунаризм как некий «идеальный» дискурс социалистической идеи поставил под сомнение право человека на достоинство, на неприкосновенность частной жизни, на свободу совести и мысли⁹.

По типу крестьянские коммуны можно разделить на 4 группы:

1. Коммуны — кооперативы. Вся сельскохозяйственная кооперация объединялась в единый союз, структурными элементами которого являлись специальные организационно оформленные виды сельхозкооперации: кредитная, хлебная, снабженческая, молочная, животноводческая, колхозная, семеноводческая¹⁰.

2. Коммуна — молодежная как образец нового типа человека.

3. Коммуна — символ международного движения и солидарности. Примером может быть Коммуна «Солидарность» организованная в 1923 г. по договоренности с правительством РСФСР группой швейцарских эмигрантов во главе с Фрицем Платтенем в Новой Лаве Канадейской волости Сызранского уезда Симбирской губернии. В коммуне были строгая дисциплина и товарищеская поддержка. Действовал принцип самоуправления. При распределении работ учитывали индивидуальные способности и физическую выносливость каждого. У всех коммунаров были рабочие книжки, в которых записывалась проделанная работа. Продукты питания и предметы первой необходимости распределялись поровну. Местные крестьяне сначала присматривались к незванным гостям. Иногда сторонились их. Но с любопытством наблюдали за их работой, не понимая, зачем столько трудиться. А через месяц-другой появились симпатии и интерес к механизированному хозяйству. Вместе с коммунарами местные жители начали отмечать революционные праздники, а швейцарские дети пошли учиться в русскую сельскую школу. В апреле 1924 г. прибыла вторая группа швейцарцев. Небольшая их часть обосновалась в Николаевском районе, где они организовали своего рода филиал «Солидарности». Постепенно коммуна расширила свою территорию. В 1924 г. в ней жило и трудилось уже около 120 переселенцев. В 1927 г. коммуна была переведена в Подмосковье¹¹.

4. Коммуна как преобразованный монастырь. В первом варианте он обслуживал местное начальство,

поставляя продукты питания и результаты промыслов, во втором, монастырь маскировался под коммуну. В Ярославской губернии женский монастырь в Первомайском районе существовал в течение 10 лет как коммуна имени Надежды Крупской. В 1923 г. артель зарегистрировали официально, приняв устав артели, который запрещал сотрудницам встречаться с местными парнями, дабы «доказать мужчинам, что и без их содействия женщина может строить свою жизнь».

Однако эксперимент с созданием нового крестьянина не получился. Коммуны не могли обеспечить жизнь человека в нормальных условиях, меняется отношение к семье и семейные коллективные молодежные эксперименты уходят в прошлое, усиливаются позиции воинствующего атеизма. Курс на замкнутость страны и построение социализма в отдельно взятом государстве исключает необходимость показательных примеров из других стран, а главное коммуны не оправдали себя с точки зрения прибыли и получаемой ими продукцией. Крепкие крестьянские хозяйства не входили в состав коммун, жили традиционными семьями и работали в традиционных условиях. Власть, сворачивая НЭП, свернула и длительные эксперименты по созданию нового крестьянина, пойдя по более короткому, но традиционному пути — перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность. Поскольку первоочередной задачей с точки зрения власти по отношению к крестьянству было не создание нового человека, а создание индустриальной державы.

Библиография

¹ Цит. по: *Масанов Н. Э. и др.* Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007. С. 15.

² *Бейли Ф. Дж.* Представления крестьян о плохой жизни // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992 С. 224.

³ Подробнее см.: *Рыклин М.* Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М., 2009.

⁴ *Перси Уго.* Три поиска одного образа: Россия/СССР в прозе Карло Леви, Альберто Моравиа, Джованнино Гуарески // *Вестник Евразии* 2008. № 1. С. 38.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. СОБР. соч. Т. 38. С. 54.

⁶ Вопросы комсомольской работы [Приложение к газете «Голос молодежи»]. 1924. № 6.

⁷ *Князев В.* Песня коммуны // *Наука и жизнь.* 1967. № 11.

⁸ Известия Симбирского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» 22 мая 1918 года. Цит. по: *Точеный Д. С., Точеная Н. Г.* Симбирск и симбиряне в 1918 году. Хрестоматия. Ульяновск, 2008. С. 56.

⁹ Советская коммуна: добровольная несвобода // www.politvektor.ru/analitika/3840/.

¹⁰ См: *Ягов О. В.* Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях нэпа: Дис. ... д.и.н. Самара, 2009.

¹¹ *Королев А.* Швейцарцы строили коммунизм в Симбирской губернии, конкретно — в Новой Лаве // *Симбирский курьер.* 2001. 6 ноября.